

О НЕКОТОРЫХ АКТУАЛЬНЫХ ЗАДАЧАХ СОВРЕМЕННОГО
СОВЕТСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

1

XX съезд Коммунистической партии Советского Союза поставил перед всеми советскими учеными ответственные и почетные задачи. Острая и глубоко принципиальная критика положения в области разных общественных наук, данная на XX съезде, во многих отношениях применима и к языкознанию. Она требует решительного преодоления серьезных недостатков в разработке основных проблем нашей науки. Необходимо коренным образом улучшить работу языковедческих учреждений и журнала «Вопросы языкознания».

На протяжении многих лет — с самого начала господства теории акад. Н. Я. Марра — в нашем языкознании задавали тон вульгарно-материалистические концепции, оторванные от конкретного материала, от углубленного изучения фактов языка и их движения, не основанные на историческом анализе языковых явлений и закономерностей их развития. Факты языка нередко подводились под заранее готовые схемы, причем обычно упоминались лишь те явления, которые легко укладываются в эти схемы и не противоречат им. Лингвистическая дискуссия 1950 года направила советское языкознание по новым, в основном правильным путям. Однако и после нее свобода и широта конкретно-исторических исследований и их теоретических обобщений во многих случаях ограничивались и стеснялись догматической верой в непреложную истинность всех положений работы И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания». Так, например, при рассмотрении проблемы связи языка и общества в последние годы оставались в стороне речевые различия между разными социальными группами. Не только в учебных пособиях, но и в специальных статьях изучение сложной проблемы соотношения языка и других общественных явлений часто подменялось простым повторением или комментированием данной И. В. Сталиным характеристики признаков, отличающих язык от надстройки. Отсутствие живого и всестороннего конкретно-исторического исследования разнообразного материала, неумеренное применение цитат из работ И. В. Сталина, некритическое отношение к ним является отличительной чертой многих работ, посвященных другим важным вопросам общего языкознания, таким, например, как проблема смешения языков, проблема внутренних законов развития языка, проблема соотношения языка и мышления, вопросы общей семасиологии, проблема развития языков народностей и языков наций, проблема диалектных различий общенародного разговорного языка в разные эпохи, проблема отложений классовой идеологии в семантике отдельных слов или словесных групп и мн. др. Проблема происхождения языка обычно излагалась посредством приведения цитат — в кавычках или без кавычек; в очень слабой степени

работы, посвященные этой теме, используют новые археологические, антропологические и физиологические данные.

За последние годы в центре внимания многих языковедов оказались вопросы, связанные с проблемой внутренних законов развития языка и с вопросом об основном словарном фонде. Эти вопросы поднимались и ранее в научной литературе; самые термины — «основной словарный (или лексический) фонд», «внутренние законы развития языка» применялись некоторыми лингвистами и до появления работы И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания»¹. Однако обсуждение этих вопросов в нашей языковедческой литературе последних лет также часто велось в духе абстрактного теоретизирования.

Было бы неправильно отрицать важность всех этих проблем и уклоняться от задач их исследования только на том основании, что они порой являлись поводом для отдельных бесплодных рассуждений. Вместе с тем нельзя думать, что поворот к действительно научно-плодотворной работе в области языкознания может ограничиться лишь критикой таких положений работы И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания», как, например, необоснованное утверждение о курско-орловской диалектной основе русского национального языка или исторически неоправданная характеристика роли французского языка в средневековой Англии. Необходимо изменить самый стиль языковедческой работы, направить лингвистические исследования по пути смелого творческого изучения тщательно подбираемых и вновь открываемых фактов истории языка и их теоретического обобщения на основе марксистско-ленинской методологии. Культ личности часто ограничивал, а во многих случаях и подавлял, парализовал самостоятельную теоретическую работу в области общего языкознания. Каждое высказанное И. В. Сталиным положение превращалось в непоколебимую догму, не требующую дальнейших обоснований и конкретно-исторических доказательств.

Понятно, как ошибочно мнение, будто уже существует в готовом виде собрание основных положений марксистского языкознания и нашим языковедам остается только применять эти положения. В работах классиков марксизма-ленинизма мы находим очень важные и существенные, но только отдельные указания, относящиеся к изучению языка. Необходимо внимательно вникнуть в эти высказывания. Известно, например, какой вред советскому языкознанию принесло игнорирование акад. Н. Я. Марром и его последователями указания Энгельса (в его письме И. Блоху) на невозможность объяснения фонетических изменений экономическими причинами². Последователи Н. Я. Марра объявляли «буржуазным» сравнительно-исторический метод в языкознании, не считаясь с высокой оценкой сравнительно-исторического языкознания, данной Марксом и Энгельсом. Критика ошибочных положений Н. Я. Марра, данная участниками лингвистической дискуссии на страницах «Правды», создала благоприятные условия для развития сравнительно-исторического языкознания. Однако при большом числе опубликованных за последние шесть лет статей о сравнительно-историческом методе у нас почти полностью отсутствовали глубокие конкретные сравнительно-исторические исследования,

¹ Ср., например, замечания Ж. Вандриеса о «действии внутренних законов, объясняющих развитие... языков» (Ж. В а н д р и е с, Язык, М., 1937, стр. 220). О внутренних законах развития языка упоминал даже Н. Я. Марр (см. «Избр. работы», т. II, [Л.], 1936, стр. 117). Необходимо помнить, что проблема внутренних законов развития отдельных общественных явлений неоднократно выдвигалась и обсуждалась в трудах К. Маркса и Ф. Энгельса.

² См. К. Маркс, Ф. Энгельс, Избр. произвед., т. II, 1948, стр. 467—468.

а именно в таких исследованиях в настоящее время особенно нуждается советское языкознание. Вместе с тем следует подчеркнуть ограниченность сферы употребления сравнительно-исторического метода и необходимость дальнейшего его совершенствования. Для описания языка в определенный период развития (следовательно, для создания описательных грамматик современных языков), а также и для исследования истории языка в период, засвидетельствованный письменными памятниками, необходимы и другие специальные методы языковедческого исследования. Эти методы до сих пор недостаточно разработаны; их разработка, а также публикация конкретных работ, в которых применяется новейшая методика сравнительно-исторических, исторических и описательных лингвистических исследований, является одной из важнейших задач советского языкознания и журнала «Вопросы языкознания». Только на основании таких конкретных работ, насыщенных фактическим материалом и основанных на передовой, учитывающей весь прогрессивный опыт прошлого методике лингвистического исследования, могут быть сделаны обобщения, которые продвинут вперед советское общее языкознание, строящееся на фундаменте марксистско-ленинской теории.

Для плодотворного изучения всех нерешенных и спорных вопросов науки о языке необходимы смелые творческие дискуссии, столкновение мнений представителей разных школ и направлений советского языкознания. Незыблемой основой лингвистических теорий каждого советского языковеда должна быть марксистско-ленинская философия. Однако это не означает, что понимание всех конкретных вопросов языкознания у всех советских лингвистов должно быть одинаковым. Научные споры и обсуждения, проводимые на базе марксистско-ленинской теории, могут и должны послужить делу развития нашей науки. Журнал «Вопросы языкознания» призван сыграть важную роль в организации таких свободных дискуссий.

Решения XX съезда Коммунистической партии Советского Союза обращают внимание советских ученых на необходимость усвоения всех достижений отечественной и зарубежной науки. Советским языковедам надо полностью использовать богатый опыт дореволюционной русской и советской науки о языке, а также все ценное и передовое из зарубежного языкознания. Вместе с тем советские ученые должны подвергать решительной критике языковедческие теории, основанные на философских принципах, враждебных марксизму ленинизму. Однако критический анализ зарубежных идеалистических теорий в области языкознания должен быть основан на строго проверенных фактах. Следует четко различать ошибочное идеалистическое осмысление новых открытий в лингвистике и те специальные лингвистические достижения, которые могут быть использованы советскими учеными.

Появившиеся в нашей печати за последние годы статьи показывают, что работа в этом направлении во многих случаях идет у нас по неправильному пути. Так, например, крупный американский лингвист Э. Сэпир без всяких оснований был обвинен в том, что он пропагандировал расизм. Между тем известно, что Э. Сэпир упорно боролся с антисемитизмом и всяческими проявлениями расовой дискриминации в США и других капиталистических странах. Э. Сэпир был одним из наиболее выдающихся исследователей и ценителей языков и обычаев североамериканских индейцев, к культуре которых он относился гораздо более доброжелательно, чем многие другие американские ученые. Э. Сэпир многократно высказывался против ошибочного отождествления расы и языка. Вместо того чтобы осудить обвинять Э. Сэпира в расизме, следовало бы более тщательно изучить его работы, в которых дается, между прочим, резкая критика

отношения к науке, характерного для некоторых кругов США¹. Только тогда можно было бы дать правильный марксистский анализ лингвистических трудов этого ученого, содержащих наряду с рядом ошибочных идеалистических философских положений многие ценные лингвистические выводы и обобщения, сделанные благодаря тонкому анализу фактов очень большого числа языков различных семей. Аналогичные ошибки имели место и при оценке деятельности некоторых других зарубежных лингвистов. Между тем можно указать на ряд важных задач, разрешение которых невозможно без использования опыта зарубежной науки.

В директивах XX съезда Коммунистической партии Советского Союза по шестому пятилетнему плану обращается особое внимание на развитие производства электронных вычислительных машин. Машины для перевода являются одним из практически важных видов этих электронных приборов. Работа по созданию таких машин в очень широком масштабе ведется в США, где, начиная с 1954 г., выходит специальный журнал, посвященный машинному переводу. Аналогичная работа разворачивается в Великобритании и Италии. Нашей задачей является быстрее создание электронных машин для перевода. Для этого требуется решение ряда чисто лингвистических проблем, среди которых наиболее важной является сведение грамматики языков, на которые рассчитана данная машина, к системе правил, выражаемых посредством определенного кода. В этой связи необходимо усилить критическое изучение методов современной структурной лингвистики и математической логики. Вместе с тем из того обстоятельства, что некоторые приемы структурального анализа языка помогают при создании и применении электронных переводческих машин, нельзя еще непосредственно делать заключения о научной правомерности и оправданности принципиальных основ структурализма. Работа по машинному переводу должна вестись объединенными усилиями лингвистов, математиков и специалистов в области теории информации и электроники. Осуществление выдвинутой в недавнее время идеи создания машины для устного перевода² требует решительного подъема исследований в области фонологии и экспериментальной фонетики, являющейся у нас в настоящее время одной из отстающих лингвистических дисциплин.

Задача осуществления машинного перевода тесно связана и с применением лингвистической статистики. Эта сравнительно молодая отрасль языковедения быстро развивается за рубежом (ср. работы М. Козна, П. Гиро и чехословацкого лингвиста Б. Трики). Между тем в советском языкознании за последние годы не появилось ни одного исследования по лингвистической статистике.

Наблюдающееся в настоящее время сближение языкознания с точными науками (в первую очередь — с математикой) отчасти вызвано стремлением к выработке максимально строгих методов лингвистического исследования.

2

В ближайших номерах журнала «Вопросы языкознания» редакция предполагает начать обсуждение вопросов структурализма — широко распространенного в зарубежном языкознании направления, которое до сих пор не получило в советской науке всестороннего объективного освещения

¹ См. «Selected writings of Edward Sapir in language, culture and personality», Berkeley — Los Angeles, 1951.

² См., например, W. N. Locke, *Speech typewriters and translating machines*, PMLA («Publications of the modern language Association of America»), vol. LXX, № 2, 1955.

и почти не отражается ни в методике, ни в технике, ни в терминологии наших лингвистических изысканий. В целях достижения наилучших результатов намеченного обсуждения необходимо приложить все усилия к тому, чтобы оно приобрело конкретно-лингвистический характер. Поэтому желательно, чтобы обоснование тех или других положений в ходе этого обсуждения давалось на примерах конкретных языковедческих работ, путем показа на конкретном лингвистическом материале достоинств и недостатков тех разнообразных принципов и методов исследования, которые (может быть, без достаточного основания?) объединяются под общим названием «лингвистического структурализма».

При обсуждении методов «структурной лингвистики» так же, как и вообще при обсуждении сущности лингвистического структурализма, обычно привлекается почти исключительно фонетический материал и лишь в очень небольшой степени явления морфологии и морфологии. Методы исследования у европейских структуралистов и американских «дескриптивных лингвистов» также сопоставляются и сближаются все на той же основе — трактовки фонологических систем. Между тем звуки языка и тогда, когда они рассматриваются в плане фонологическом, обладают известной спецификой и существенно отличаются от морфем, слов и словосочетаний тем, что не имеют специфического и закрепленного за ними значения. Поэтому доказательства плодотворности рассмотрения фонем прежде всего или даже исключительно как элементов соотношений по существу никак не помогают решению более широкого и общего вопроса о плодотворности структуралистических методов при описании языка в целом, при исследовании его лексической и грамматической системы.

Вопрос о возможности перенесения методов исследования, так или иначе оправдавших себя в области фонологии, на изучение лексической системы языка был поставлен в журнале «Вопросы языкознания» в связи с опубликованием статьи Е. Р. Куриловича «Заметки о значении слова» (1955, № 3), развивающей идеи известной работы покойного С. Карцевского (S. Karcevskij, *Du dualisme asymétrique du signe linguistique*, «Travaux du Cercle linguistique de Prague», 1, 1929) в применении к лексике. Эта статья Е. Куриловича особенно интересна тем, что в ней, в сущности, впервые делается попытка рассмотрения вопросов лексикологии в аспекте «структурной лингвистики», применения структуралистических методов в области лексических исследований. (Как известно, для структурализма в общем типично неразграничение лексикологии и грамматики, восходящее еще к «Курсу общей лингвистики» Ф. де Соссюра.)

Помимо того интереса, который работа Е. Куриловича представляет для теории лексикологии, она имеет и более общее методологическое значение. В частности, возникают два следующих важных вопроса: 1) если в области фонетики между разными структуралистическими школами почти нет теперь принципиальных расхождений, то можно ли рассчитывать на подобное между ними сближение и в области лексикологии? Ведь предлагаемая Е. Куриловичем система лексического исследования остается на позициях «экспрессионизма» в том смысле, что исходит из двусторонности языкового знака, считает значение его составной частью, необходимым его ингредиентом; в американской же «дескриптивной лингвистике» вопрос о значении вообще выносится за пределы собственно лингвистического исследования; 2) если уже теперь существуют разнообразные структурные описания фонологических систем многих языков, то применительно к лексикологии эта задача все еще находится в стадии общей постановки. Отсюда вытекает настоятельная необходимость проверки на материале эффективности и надежности предлагаемых методов. Необходи-

димо раскрыть, в чем заключается внутренняя специфика, методологическое своеобразие структуралистских принципов лексикологического исследования.

Особенно большую проблему представляет собой применение структуралистских методов в области синтаксиса. Как известно, в самых разнообразных направлениях современного языкознания наблюдается общая тенденция к разработке новых методов синтаксического изучения языка, противопоставляемых методам языкознания XIX в. В большинстве случаев при этом в центре внимания оказываются формальные методы структурного анализа, свободные от «логицизма» и «психологизма» (для ряда исследователей логицизм и психологизм — это проявление «ментализма», принципиально неприемлемого для современного позитивизма). В связи с этим по-новому ставится вопрос о «форме» и «функции», о соотношении морфологии, синтаксиса, частей речи и членов предложения.

Одним из наиболее известных в настоящее время «заменителей» понятия «член предложения», повидимому, является понятие «непосредственно составляющих», которое, по мнению некоторых лингвистов, представляет собой лишь другое название для «синтагмы» в сосюррианском понимании этого термина. Если это так, то нельзя не удивляться тому, что общие классификации направлений структурализма, а также нередкие обсуждения общих вопросов «структурной лингвистики» за последнее время не учитывают работ женевской школы, так же как и работ ряда видных языковедов, не являющихся «блумфилдианцами», «глоссематиками» или «учениками Трубецкого». Ведь если считать «непосредственно составляющие» или «синтагмы» основными категориями современного структуралистического (или «структурного») синтаксиса, то наибольший общий интерес должны бы представлять такие работы, как, например, статья Ф. Микуша (F. Mikuš, *Le syntagme est-il binaire?*, «Word», vol. 3, № 1—2, 1947), вызвавшая возражения Фрея (H. Frei, *Note sur l'analyse des syntagmes*, «Word», vol. 4, № 2, 1948,) и, далее, большая ответная работа Ф. Микуша (F. Mikuš, *Quelle est en fin de compte la structure-type du langage?*, «Lingua», vol. 3, 4, 1953)¹. Как известно, дискуссия по этому вопросу продолжается и сейчас. Естественно, возникает такая проблема: центр изучения структурных методов синтаксического исследования, быть может, следует искать не в построениях глоссематики и не в работах американских «дескриптивных лингвистов», а в трудах тех последователей де Соссюра, которые пошли по линии наиболее глубокого исследования диалектики «языка» и «речи» как «потенциального» и «актуализованного»? Как уже было сказано, все эти вопросы при обсуждении современного лингвистического структурализма почти не затрагиваются. Вопросы синтаксиса (так же, как и вопросы лексикологии) вообще остаются при этом фактически вне рассмотрения.

Сказанное имеет целью привлечь внимание к тем аспектам общей проблемы лингвистического структурализма, которые оставались до сих пор в известном пренебрежении. Однако выделение тех или иных вопросов как наиболее существенных и интересных с точки зрения современного состояния науки отнюдь не означает вообще ограничения дискуссии только этими вопросами. Вопросы фонологии — особенно исторической фонологии — не могут не привлекать внимания. Хотя вопрос о «знаковости языка» или «природе лингвистического знака» и подвергался уже детальному обсуждению, его никак нельзя считать разрешенным, и вполне естественно, если и он будет затрагиваться по ходу дискуссии. Не

¹ Ср. также монографию: R. F. Mikuš, *A propos de la syntagmatique du professeur A. Belić*, Ljubljana, 1952.

является аксиомой и положение о «языке как системе»: ни один язык еще не был представлен в виде системы, о системе языка обычно говорят лишь в весьма общей форме, не представляя в качестве образца ни одного ее реального и полного описания (обычно дело ограничивается лишь частичным установлением системных отношений в области фонологии и грамматики и лишь отдельными очень маленькими наметками по лексике). Следовательно, имеются все основания для скептиков положение «о языке как системе» ставить под сомнение. Далее, среди особо выделенных ниже вопросов отсутствует важнейший вопрос о связи истории языка с историей народа; но он безусловно будет обсуждаться, так как вызывает в настоящее время большой интерес у представителей не только различных направлений в языкознании, но и смежных с языкознанием дисциплин, включая этнографию.

В дополнение к этим кратким предварительным замечаниям предлагается следующий примерный перечень вопросов, которые, по мнению редакции, было бы целесообразно сделать предметом обсуждения.

1. Может ли быть принято определение лингвистического структурализма как такого направления в языкознании, которое считает главным и самостоятельным предметом лингвистики отношения между отдельными элементами в системе языка, причем эти последние рассматриваются только как элементы соотношений? Можно ли сказать, что лингвистический структурализм исходит из первичности отношений и вторичности, подчиненности самих соотносящихся (реальных) единиц языка?

Если приведенное понимание лингвистического структурализма является неправильным, то какое другое содержание следует вкладывать в понятие «лингвистический структурализм»?

2. Правильно ли принятое в настоящее время объединение под общим названием «лингвистического структурализма» трех направлений современного языкознания — школы Блумфилда, школы Трубецкого и последователей «глоссематики» Л. Ельмслева? Можно ли считать правильной тенденцию сглаживания (или игнорирования) различий в принципиальных установках этих трех школ и эмпирического сближения применяемых ими конкретных методов описания? В чем заключаются основные расхождения между отдельными направлениями и школами «структурной лингвистики»? Как следует оценивать деятельность и достижения отдельных школ и отдельных представителей структурализма? Каково общетеоретическое (философское, психологическое, логическое) осмысление основ структурализма у отдельных направлений структурализма и отдельных ученых?

3. Какое место «структурная лингвистика» занимает в истории языкознания? Каковы ее генетические истоки и связи? Можно ли говорить о связи методов современного лингвистического структурализма с методами описания языка, применявшимися Панини? Кого следует считать непосредственными предшественниками современных структуралистов и каковы перспективы развития «структурной лингвистики»?

4. Применимы ли методы «структурной лингвистики» к разным сторонам языка — фонетике, грамматике и лексикологии? Можно ли признать приемы описательного анализа языка, применяемые в различных течениях структурализма, несомненно наилучшим образом решение проблемы описания языка или приближающимися к такому решению? Какие работы в области фонетики, грамматики и лексикологии тех или других конкретных языков выполнены при помощи методов лингвистического структурализма и как следует оценивать эти работы с точки зрения полученных в них конкретных выводов и результатов?

5. Является ли правильным и возможным описание разных аспектов языка по принципу однотипности отношений («изомор-

физм)? Можно ли указать конкретные примеры плодотворного применения этого принципа при описании языковых систем?

6. Как следует относиться к имеющимся попыткам применения структурного принципа в области внутренней реконструкции языковых фактов, не засвидетельствованных памятниками, живыми языками и непосредственными языковыми соответствиями? (В связи с обсуждением этого вопроса желательным является использование личного опыта по сравнительно-историческому изучению языков, т. е. указание на то, в каких сравнительно-исторических исследованиях данной группы языков продуктивно применяются методы структурной реконструкции.)

7. В какой мере методы «структурной лингвистики» могут быть применены при изучении истории языка? Можно ли считать приемлемой принципиальную установку некоторых структуралистов в вопросе об отрицательном или скептическом отношении к сравнительно-историческому языкознанию, к принципу историзма? Каково значение «структурной лингвистики» для типологического изучения языков?

8. Какое место занимает структурализм в ряду других направлений современного зарубежного языкознания?

9. В какой степени «структурная лингвистика» связана с применением математических методов исследования?

Само собой разумеется, что при широком развитии дискуссии о лингвистическом структурализме может возникнуть целый ряд других важных вопросов, обсуждение которых, несомненно, поможет лучше осветить отдельные области языковедческого исследования и наметить общие пути дальнейшего движения советской науки о языке.

3

Наряду с дискуссией по вопросам лингвистического структурализма редакция журнала «Вопросы языкознания» ставит своей ближайшей задачей последовательно выдвигать и в отдельных статьях, сообщениях, заметках, критических обзорах и рецензиях подвергать всестороннему обсуждению актуальные проблемы, относящиеся к различным сферам лингвистического исследования, к отдельным группам языков. Очевидно, что в связи с подготовкой к международному съезду славистов (который должен состояться в Москве в 1958 г.) целесообразно прежде всего объединить силы и усилия наших специалистов по славянским языкам и направить их на решение основных, важнейших проблем славянского языкознания. По решению Президиума Академии наук СССР учрежден (под председательством акад. В. В. Виноградова) советский славяноведческий комитет, цель которого — координировать связанную с подготовкой к международному славяноведческому съезду работу советских славяноведов, содействовать интернациональному комитету славистов в организации московского съезда, в разработке его проблематики, в осуществлении целого ряда научных и практических мероприятий по улучшению информации и расширению наших международных связей в области славяноведения, по созданию библиографических справочников.

Советским славяноведческим комитетом разработан список (или перечень) актуальных вопросов, относящихся к разным сферам современного славянского языкознания. Обсуждение этих вопросов до международного съезда славяноведов и в связи с ним — при широком участии не только советских лингвистов, но и славистов других стран — могло бы принести существенную пользу славяноведческой науке и создать атмосферу широкого творческого международного научного общения. Необходимо вспомнить, что при организации в 1939 г. конгресса славистов в Бел-

граде (так и не состоявшегося вследствие начала второй мировой войны 1939—1945 гг.) было также выдвинуто значительное количество важных научных вопросов на предварительное обсуждение ученых разных стран¹. Об этом вспоминал президент Сербской Академии наук А. И. Белич при открытии белградского совещания славяноведов 15 сентября 1955 г. в своем вступительном слове: «Конгресс 1939 года поставил целый ряд научных вопросов на рассмотрение знатоков, для того чтобы развитие этих вопросов пошло правильным путем»². Практика широкого обсуждения еще перед международным съездом важнейших проблем соответствующей науки вполне себя оправдала.

Необходимы конкретизация и расчленение тех общих проблем и задач славянского языкознания, которые возникают в связи с международным съездом славяноведов в Москве. В области языкознания это: 1) вопросы образования и развития славянских литературных языков; 2) основные, главные вопросы сравнительно-исторической грамматики и сравнительно-исторической лексикологии славянских языков; 3) центральные задачи описательной, исторической и сравнительно-исторической диалектологии славянских языков, а также лингвистической географии — в связи с проблемой составления диалектологического атласа славянских языков и 4) обсуждение новых данных, относящихся к проблемам происхождения славянских языков и народов.

Вот перечень некоторых выдвигаемых нами более частных научно-лингвистических вопросов для обсуждения в связи со съездом:

В области методологии лингвистического исследования

1. Что нового внесла «структурная лингвистика» в историческое и сравнительно-историческое изучение славянских языков?
2. Какие новые возможности для изучения истории праславянского языка дает так называемая «внутренняя реконструкция»?
3. Применим ли сравнительно-исторический метод при реконструкции синтаксических явлений языка дописьменного периода?

В области сравнительно-исторической фонетики славянских языков

1. В каких случаях следует учитывать явления фонетической субституции в истории праславянского языка (или общеславянского «языка-основы»)?
2. Действовала ли тенденция утраты закрытых слогов в поздний период истории праславянского языка во всех случаях и позициях? Когда перестала действовать эта тенденция?
3. Закономерности развития фонологической системы общеславянского «языка-основы».

В области славянской сравнительно-исторической морфологии и словообразования

1. Какие древние типы именных основ сохранились в поздний период истории праславянского языка?
2. Видовое значение глагольных основ в праславянском языке.

¹ См. «III Международный конгресс слависта (словенских филолога) 18—25 IX 1939», Београд, изд. Извршног одбора, [1939]: № 1 — «Збирка одговора на питања»; № 3 — «Одговори на питања... Допуне».

² См. напечатанный в Белграде сербский текст речи акад. А. И. Белича (А. И. Б е л и ч, Отварање Скупа слависта у Београду 15 септембра 1955 године).

3. Каковы основные отличия именной и глагольной суффиксальной системы праславянского и праиндоевропейского языков?
4. Основные задачи и проблемы типологии славянских языков.
5. Общие и частные закономерности развития глагольной системы в славянских языках.
6. Пути развития отыменного глагольного и отглагольного именного словообразования в славянских языках.

В области истории взаимоотношений славянских языков друг с другом и с языками иных народов

1. Существовало ли балто-славянское языковое и этническое единство и как следует его понимать?
2. Что дают данные хеттского и тохарского языков для сравнительной грамматики славянских языков?
3. Характер древних славяно-германских отношений, их хронология и территориальные рамки.
4. Характер славяно-иранских языковых отношений и связей.
5. Как следует представлять территорию славянской прародины?
6. К какому периоду относится разделение славян на западную и восточную ветви?
7. Роль балканского субстрата в формировании южнославянских языков (главным образом болгарского).

В области сравнительно-исторического исследования славянских литературных языков

1. Лексические взаимодействия славянских литературных языков в разные периоды их истории.
2. Литературное двуязычие в истории славянских народов.
3. Типы лексической омонимии в системе отдельных славянских языков (общее и отдельное, индивидуальное).
4. Принципы составления дифференциальных двуязычных словарей славянских языков (русско-чешского, чешско-русского, чешско-польского и т. д.).
5. Принципы составления сопоставительного словаря современных славянских литературных языков.
6. Становление и развитие славянских общенародных разговорных языков в связи с историей литературных языков.

В области исторической диалектологии славянских языков и лингвистической географии

1. Каков объект лингвистической географии и, в связи с этим, какие явления отдельных славянских языков подлежат картографированию?
2. Что может дать лингвистическое картографирование для классификации славянских языков?
3. Возможно ли построение лингвистического атласа отдельных групп славянских языков или славянских языков в целом? Каково должно быть построение такого атласа? Какие данные можно ожидать от такого атласа для установления различий между языком и диалектами в их территориальном распространении?
4. Какова роль диалектов в формировании литературных славянских языков в разные исторические эпохи?

5. Отражают ли и в какой мере диалекты отдельных славянских языков племенные языки или они восходят к диалектам разных периодов эпохи феодальной раздробленности?

6. Какова роль субстрата в развитии фонетической системы и грамматического строя отдельных славянских языков и диалектов?

7. Каково значение диалектных данных для построения исторического синтаксиса отдельных славянских языков?

В области стилистики народно-поэтического творчества славянских народов

1. Изобразительные средства языков славянской народной поэзии и ее разных жанров.

Естественно, что к этому перечню можно было бы прибавить еще много и частных, и общих вопросов, например вопрос о том, как происходило развитие или угасание отдельных типов именных односоставных предложений в разных славянских языках, каковы были пути развития разных типов предикации в славянских языках, какие соответствия и различия наблюдаются между разными славянскими языками в процессах и закономерностях образования разрядов служебных слов и мн. др. Новые вопросы будут возникать и складываться в ходе обсуждения тех, которые выдвинуты раньше.

Обсуждение выдвинутой здесь проблематики, тесно связанной с ближайшими задачами, — организацией дискуссии по вопросу о лингвистическом структурализме и подготовкой к международному съезду славистов — явится началом той важной и ответственной работы, которую советским языковедам предстоит выполнить в шестой пятилетке. Конкретизация и углубленное развертывание пятилетнего плана развития нашей науки на основе решений XX съезда КПСС требует больших творческих усилий, направленных на обоснование и раскрытие внутреннего существа выдвигаемых проблем. Задача журнала «Вопросы языкознания» — всемерно способствовать творческой разработке марксистского языкознания путем планомерного и систематического выдвижения и конкретного обсуждения наиболее актуальных задач и проблем.